

Николай Рубцов: жизнь была... красивая!

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ПОЭТА ПРОШЕЛ В ЗАВОДСКОМ ЦЕХЕ

Атмосфера заводского цеха придавала вечеру непередаваемое творческое настроение.

На Кировском заводе вообще-то мало кто из простых смертных побывал — все-таки оборонное предприятие. «Ну что, танки видел?» — спрашивали у меня, вернувшегося оттуда. «Не видел», — отвечаю. Рассмотреть удалось вообще мало что: редакционное авто промчалось, следуя указаниям направляющих с полосатыми жезлами, расставленных по всем углам. Подкатили к какому-то входу, нырнули внутрь, под вывеску «Точные зубчатые механизмы» — и тут же очутились в огромном, заполненном каким-то дымом цехе № 420. В дыму виднелись красные челюсти и хромированные рога тракторов.

ПЕРЕД тракторами было создано условное какое-то оцепление из девушек в хаки. А дальше, прямо среди тракторов, рассказывалась по местам уйма народу. Этим столпотворением мы были обязаны, как ни странно, не выпуску новой турбины и не особенным успехам очередного стахановца. Трогает, что тема была куда более нежная: завод проводил вечер памяти поэта Николая Рубцова — в этот день в 1971 году кончилась его жизнь. Рубцов работал на заводе в 1961 — 1964 годах: был он тут и шихтовщиком, и кочегаром, и слесарем. Балтийская медиагруппа явилась организатором мероприятия, следуя уже создавшейся традиции: в первый раз такой заводской концерт памяти Рубцова прошел на заводе еще в 2006 году.

На пустую пока сцену были наставлены десятки камер. Сумрачно поглядывал по сторонам Александр Сокуров: знаменитый кинематографист был режиссером-постановщиком концерта. 7 февраля на канале «100ТВ» мы увидим все это уже в качестве телефильма.

Сокуров махнул кому-то рукой, крикнул «давай!» — и началось. Вышли на сцену председатель комитета по культуре Антон Губанков и молодой директор Кировского завода Георгий Семенов. Директор отметил, что в цехе холодно — плюс 15. (Действительно, все сидели в шапках и пальто.) И тем выше заслуга собравшихся. Антон Губанков даже прочитал несколько строк из Рубцова, а потом вдруг заключил парадоксально: «Кто такой Николай Рубцов? Вы знаете... на самом деле это — колобок. Это символ. В нем, в Рубцове, — весь трагизм русского скитальчества».

Музыку на стихи Рубцова «Морошка» написал Андрей Петров. А поет эту песню Татьяна Буланова.

Василий Лановой встречался с Николаем Рубцовым один раз. И запомнил эту встречу на всю жизнь.

Запел неземными голосами Детский хор телевидения и радио, а я отошел в конце зала и неожиданно увидел рядом с собой человека в рабочей одежде, с лицом простым и красивым.

— Вы работаете на заводе?
— Да. У нас повесили афишу, вот я и пришел.
— А вообще заводских много пришло?
— Мне кажется, маловато. В тот раз, на юбилей Рубцова, было больше.
— А имя ваше можно узнать?
Но рабочий, смутившись, замахал руками и отошел подальше.

На сцене в это время появился недавний именинник народный артист СССР Василий Лановой.

— Декламировать Рубцова может не каждый. Это настолько нежный поэт, он писал с такой детской проникновенностью, что необходимо иметь определенное лицо. Я, например, не могу — у меня физиономия неподходящая. Но студентов своих обязываю знать его произведения, — заявил Лановой.

И прочитал вместо Рубцова одно стихотворение из Пушкина и еще одно из Маяковского.

Другие исполнители вспомнили, как поэт любил играть на гармошке, стали тоже выходить на сцену с гармошками, да еще в шелковых косоворотках подпоясанных, да и в кокошниках, и каждый, эх, выжал из себя столько гой-Руси и в то же время люли, нежности природной, сколько мог. И Рубцов совершенно слился с уже давно залезанным Есениным, и сделалось непонятно, зачем он, черт, вылез-то эпигонствовать сорок лет спустя, когда уж давно иная жизнь, другой

напев и победила стальная конница?

Тут, к счастью, на сцену вышла Лариса Малеванная. Она просто сказала: мне очень нравятся зверюшки Рубцова. Они похожи на беспризорников. И прочитала парочку стихов: про волка, про медведя.

Я подошел к артистке после выступления:
— Лариса Ивановна, вы еще упомянули, что Рубцов не похож на Есенина. А между тем может так показаться. В чем разница, как вам кажется?

— Я не литературовед, конечно. Но, по-моему, Рубцов — более колочий, ершистый. Бывает грубоват, бывает — жестковат. Это, конечно, от душевной уязвимости, той же, что и у Есенина. Но если сравнивать с животными — Есенин скорее теленок. А Рубцов — волчонок. Я волков и собак очень люблю и сама той же, собачьей породы. Есть потребность дружить, общаться с кем-то, как у собаки. Но бывает, вылезает и агрессивность.

— Но Есенин говорит о себе как о скандалисте, хулигане?

— Это, мне кажется, все было по пьяни. Говорят, что, когда он был трезв, — бывал абсолютным ребенком.

— А у Рубцова, получается, что-то и в самой природе было мрачное?

— Мне говорили, что у него был очень тяжелый взгляд. Я и сама вижу это на фотографиях, в хронике. Взгляд беспризорника, детдомовца. Они все немножко волчата, даже самые нежные из них.

Народный артист России Иван Краско, в сером пиджаке, читал стихи резко, грубо, тяжело бросая строчки, как бы усмехаясь углом рта. Шелковые косоворотки куда-то провалились.

Сколько водки выпито!
Сколько стекол выбито!
Сколько средств закошено!
Сколько женщин брошено!
Где-то дети плакали...
Где-то финки звякали...
Эх, сивуха сивая!
Жизнь была... красивая!

— Ты понимаешь, — говорил Краско мне после концерта, одновременно подписывая десятки автографов, — когда меня сюда пригласили, я сначала растерялся, и стало мне стыдно, что не читаю его наизусть свобод-

Иван Краско полюбил душевность поэзии Рубцова.

Лариса Малеванная нашла в творчестве поэта «собачье» родство.

но. Но отказаться не мог. Стал выбирать стихи — и нашел там такую связь с душой! Такие люди не могут быть равнодушными. Это как с Пушкиным. Привыкли: «Люблю! Тебя! Петра! Творенье!» А ведь есть какие-то нюансы. Надо ведь вникать...

Пустили запись. И, перекрывая все, поднялся голос самого Рубцова — сильный, как бы с похмелья трудно проговаривающий слова, и все с той же невеселой усмешечкой, в которой уживались и осколки Руси святой, и точные зубчатые механизмы вагонов, вышедших с Кировского завода:

...Я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!»